

Необычная прогулка

Р. Г. Назиров

I

В наше время многие наивно полагают, что прославление талантливых выходцев из народа, «русских самородков», началось только после революции.

Наоборот, официальная пропаганда русского самодержавия всегда охотно подчёркивала подобные примеры, желая доказать, что прилежанием, терпением и почтением к властям преуспевающим можно достичь всяческих успехов и даже подняться высоко по крутым ступеням социальной лестницы. В этих целях превозносились безродные сподвижники Петра Великого, ставшие основателями могущественных фамилий, Меньшиковы, Демидовы и прочие. Всегда любили официальные историки рассказывать о необычной карьере Ломоносова, умиляясь талантливостью русского мужичка. И правда, зачем быть Пугачёвым, если ~~можно~~ каждый может повторить карьеру Ломоносова?

В первой половине XIX века образцовым примером «великих возможностей» режима служил известный генерал Скобелев, дед ещё более известного «белого генерала», завоевавшего Туркестан.

Иван Никитич Скобелев происходил из дворян. В 1793 году (год казни Людовика XVI) пятнадцатилетним юношей он поступил капралом в Оренбургскую пешую команду. В 1806–1807 годах он участвовал в войне против Наполеона, через год — в финляндской кампании, ещё через год — в турецкой. В этой последней он был ранен и вышел в отставку: в тридцать два года учиться поздно, жить ему было нечем, и он определился в штат петербургской полиции. Но прослужил там недолго.

Наполеон перешёл Неман, началась война 1812 года. Иван Скобелев вернулся в армию. Служба ему было что мать родная: с отличием сражался в 1812-м, потом пошёл под знамёнами князя Смоленского вызволять Европу. Он был храбр и ловок, за дело при Реймсе получил георгиевский крест и вернулся из Франции уже полковником.

Полковники той поры не были очень уж культурными и благовоспитанными, но Скобелев, надо полагать, был самым малограмотным полковником русской армии.

Тем не менее, в 1818 году он был произведён в генерал-майоры. В 1821 году его назначили назначили генерал-полицеймейстером Первой армии. Последующие семь лет он занимался преимущественно «высшим соглядатайством» — так на русском языке того времени официально назывался шпионаж.

В 1824 году его назначили назначили в помощники генералу Балашову, который был поставлен генерал-губернатором пяти губерний. Балашова России не запомнила, остался

лишь анекдот о том, как на вопрос Наполеона о дороге на Москву Балашов ответил: «Есть разные дороги, ваше величество. Карл XII выбрал дорогу через Полтаву!» Ничего такого на деле ни было, и Балашов, посланный царём к Наполеону при вторжении последнего в Россию, дрожал и робел: таких шуток не шутят среди шестисоттысячной армии. Но царь к Балашову благоволил.

Генерал-губернатор принял Скобелева радушно и во всём доверял ему. Между тем, царь Александр I скончался, на престол взошёл под пушечный палёбу и картечный треск Николай Павлович и летом 1826 года создал III отделение. Поставленный во главе него светский щёголь Бенкендорф был большим бездельником и никогда не отличался умом, но у него был ловкий и умный помощник — фон Фок.

Одну только большую глупость сделал фон Фок — когда завербовал в агенты генерала Скобелева.

Тот моментально взялся за дело и романтические увлёкся доносительством. В том же 1826 году он перво-наперво накарябал донос на своего покровителя Балашова, обвиняя его чуть ли не в противуправительственных замыслах. Затем в адрес Бенкендорфа полетели следующие доносы Скобелева: на князя Голицына, на известного служаку Закревского, на графа Мордвинова и тому подобных лиц. Скобелев не мелочился и выбирал самых заметных: эти позволяли себе порою ворчать на режим, а Мордвинов и реформы предлагал, и единственный выступил против смертной казни заговорщиков 14 декабря, но все они оставались вернейшими людьми империи. Бенкендорф не знал, что делать с драматическими и безграмотными писаниями Скобелева. Тем временем, обнесённые им лица прослышали о его писаниях, нахмурились, где-то с кем-то поговорили за обедом, и Скобелев слетел. В 1828 году ему пришлось взять 3-ю пехотную дивизию.

На его счастье, в 1831 году взбунтовались поляки. Скобелев пошёл искупать последствия своей глупости испытанною своею отвагой. Он вернулся с польского усмирения с Георгием третьей степени, но без руки — её оторвало ядром в сражении под Минском.

— Если возможно сочетание подлости с храбростью, — говорили между собой боевые офицеры, — так это Ванька Скобелев!

В 1837 году он вышел за ранами в отставку, но в 1839 снова принят на службу в звании коменданта петербургской крепости и директора Чесменской богадельни. Уже тогда петербургская крепость часто называлась по её собору Петропавловской.

Усердно служа комендантом этой славной тюрьмы, Иван Никитич более всего любил вспоминать то время, когда он был ещё не тюремщиками, а солдатом. Романтика легального убийства, культ штыка, отцы-командиры, умрём за веру и государя, казарма в розовом свете, преображённая и напомаженная, как купеческая невеста, барабан вместо Бетховена, артикулы за Волтера! Соловей, соловей, пташечка! Эхма, горе-не беда! Коли, руби, прикладом бей! Нет жизни слаще, чем... чем? — А получается, Иван Никитич, что нет жизни слаще, чем смерть.

Из этих воспоминаний и родилось его **писательство**.

Иван Скобелев считался в ту эпоху популярнейшим в России военным писателем.

Его «Письма русского инвалида», «Вечер Чесменских инвалидов», «Кремнёв, русский солдат» пользовались шумным успехом у лавочников и лакеев, а то и у чиновников. Редактировались эти писания давними друзьями генерала по III-му отделению — либо Фаддеем Булгариным, либо Гречем. Собственное письмо генерала не отвечало требованиям не только изящной, но и вообще никакой словесности.

Естественно, порядочные люди стыдились читать генерала Скобелева, а если и читали, то одалживали эти книжки у лакеев и никому не признавались в подобном чтении, как не принято признаваться в позорных страстишках и известных отклонениях. Понимая это, писатель Скобелев так же ненавидел литературу, как ранее ненавидел вельмож, на которых доносил (так называемых «аристархов»). Он был демократ особого рода: любил, когда вешают демокр аристократов. Словом, демократия в николаевском стиле.

II

В январе 1846 года Некрасов выпустил в свет свой «Петербургский сборник», и вся читающая публика накинулась на новый роман. В сборнике появилось впервые новое имя — Фёдор Достоевский. Его роман «Бедные люди» имел шумный успех.

Впрочем, имя было уже не столь новое: Белинский и его компания чуть ли не год уже трубили об открытии «нового Гоголя». Петербургские любители литературы были предупреждены, что некий юноша из военных инженеров написал замечательный роман. Оказалось, и в самом деле — роман очень понравился.

Белинский обласкал молодого человека. Даже его маленький рост и subtilность понравились знаменитому критику.

— Невелика птичка, а ноготок востёр! — умилённо говорил он о Достоевском.

Скромный и мнительный мальчик вдруг стал знаменитым писателем. Достоевский не спал по ночам, упиваясь своей неожиданной славой и бредя о великом будущем. На улицах он разговаривал сам с собой, и прохожие принимали его за сумасшедшего.

Он и в самом деле был чересчур впечатлителен и нервен. От первого успеха голова его закружилась.

Белинский так полюбил его потому, что видел в достоевском подтверждение своих заветнейших воззрений. Он развеивал над пёстрым пейзажем русской словесности своим знаменем, на котором было написано: «Социальность!»

И «Бедные люди» оказались первым в России социальным романом. Главой новой литературы был Гоголь, но он оставил Россию, исчез в туманах Европы и сильно переменялся: с точки зрения Белинского, с ним творилось нечто ужасное и совершенно не понятное. Достоевский появился как раз в пору, как Лермонтов за Пушкиным. Можно было подумывать, что бог бдительно следит за развитием русской литературы, высылая новых гениев на смену павшим или растерявшим свои силы. Но Белинскому не верил в бога.

Это было, кстати, одной из причин его последующих недоразумений с Достоевским, человеком набожным.

Но это причина не первая. Важнее было то, что после «Бедных людей» Достоевский стал писать повести, вовсе не подтверждавшие линию Белинского. Молодой писатель шёл от неё в сторону — не то к Гофману, не то к Матьюрену. Он совершил непростительное преступление — изменил знамени, под которым его приняли в литературу. Какая там социальность! Из-под его пера начали выходить произведения туманные и романтические.

Получилось, что он «Бедными людьми» отпер, как отмычкой, дверь литературного успеха, а получив признание и громкое имя, превратился в эдакого, знаете ли, мародёра, нарушающего дисциплину литературной школы.

Белинский начал резко охладевать к Достоевскому. Но он высказывал это охлаждение в суровых и важных статьях, где отдавал должное таланту молодого писателя. Он не бранил, не издевался — он **критиковал**.

Это благородную миссию — освистать перебежчика — взяли на себя молодые друзья Белинского, причём особенно отличились два остроумнейших молодых человека — Иван Тургенев и Николай Некрасов.

[Окончание текста отсутствует]